



16

ПОЕЗДОК

МАРШРУТЫ МОСКОВСКИЕ
В РАССКАЗАХ
СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Составитель Дмитрий Данилов

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Сборник

**16 поездок. Маршруты
московские в рассказах
современных писателей**

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сборник

16 поездок. Маршруты московские в рассказах современных писателей / Сборник — «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-176623-8

“16 поездок” — сборник рассказов современных писателей, подготовленный “Редакцией Елены Шубиной” совместно с Музеем Транспорта Москвы. При организационной поддержке Национальной литературной премии “Большая книга”. Вы прокатитесь по Москве на трамвае, спуститесь в метро, скоротаете зимнюю ночь в автобусе, запутаетесь в пересадках МЦД, промчитесь на электросамокате и даже проедетесь в прошлое на троллейбусе... Авторы рассказов: Надя Алексеева, Дарья Бобылёва, Алексей Варламов, Ася Володина, Дмитрий Данилов, Денис Драгунский, Анна Лужбина, Анна Матвеева, Алексей Сальников, Роман Сенчин, Григорий Служитель, Ольга Харитонова, Сергей Шаргунов, Ася Шев, Анна Шипилова. Всего — пятнадцать историй. А шестнадцатая поездка и история — ваша.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-176623-8

© Сборник, 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Следующая поездка – ваша	6
Надя Алексеева	8
Анна Шипилова	13
Алексей Варламов	17
Анна Лужбина	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дмитрий Данилов
16 поездок
Маршруты московские в
рассказах современных писателей

*И началась его
Блаженная поездка...
Мимо проплывают
Реалии Москвы
Дома, парки, дороги, машины
Люди, собаки
Кошки, другие всякие звери
И человек засыпает
Человек мягко
В духе современной Москвы
Засыпает
Убаюканный этим специфическим духом
Духом современной Москвы
Дмитрий Данилов*

- © Алексеева Н.М., Бобылёва Д.Л., Варламов А.Н. и др.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление.
© Музей Транспорта Москвы.
© ООО “Издательство АСТ”.

Следующая поездка – ваша

Это книга не о московском транспорте, а о московской жизни. Просто если ты живёшь в Москве, то московский транспорт в любом случае станет важной частью твоей жизни. В данном случае транспорт (ох, надо как-то пореже употреблять это слово, но это трудно, трудно) – это не объект рассмотрения, а скорее линза, сквозь которую авторы сборника смотрят на Москву, на её жителей и гостей (хотел по привычке написать “гостей столицы”), на их повседневность.

Что ни напиши про Москву, обязательно в тексте окажется трамвай, автобус, метро (последнее – почти без исключений).

Мы, инициаторы, составители и авторы этого сборника, хотели уйти от парадности. От описаний того, как прекрасны нынешние столичные средства общественного передвижения (а они прекрасны, это буквально предмет моей огромной любви, и заслуживают самых восторженных слов). Об этом сейчас говорят каждый день множество СМИ, я сам подписан на московские транспортные информационные каналы и с интересом их читаю. Мы хотели посмотреть на эту часть жизни именно как литераторы, как писатели. Литературу интересует ткань жизни, а не её глянцева, витринная, маркетинговая сторона. Но ткань московской жизни очень густо прошита маршрутными нитями, и вот как раз этот феномен мы и попытались отразить.

Большая часть текстов этой книги так или иначе отражает новую транспортную реальность Москвы. Написал эту фразу и задумался: а где хотя бы примерно проходит граница между старым и новым? Пришёл к такому выводу: всё изменилось, когда я стал внимательно рассматривать схему московского метро. То есть примерно в середине 2010-х годов. С детства я знал всё наше метро наизусть, всю последовательность станций каждой ветки. Знал все пересадки. Почти никогда не смотрел на указатели выходов, просто держал в уме карту города и знал, куда выходить из первого вагона, а куда – из последнего. Всё метро, полностью, было у меня в голове. Если я видел человека, изучающего в вагоне или на станции схему метро, я точно знал, что это не москвич, приезжий. И вот однажды я поймал себя за удивительным, необычным для меня занятием – я подошёл к схеме и начал смотреть, где мне удобнее пересест на МЦК (оно появилось в 2016 году – вот, наверное, именно там и пролегает эта граница эпох). И в другой раз – до какой станции дотянули красную ветку? И потом – куда ведёт новый отрезок жёлтой ветки и где на него можно пересест? Теперь я часто и иногда подолгу “зависаю” в созерцании схемы нашего нового метро, словно растерянный командировочный или турист. Всё изменилось колоссально, драматически. Надо отметить, что современная схема московского метро плюс МЦК плюс МЦД невероятно красива, как художественное произведение.

И вот большинство текстов нашего сборника так или иначе отражают эту новую московскую реальность. Метро становится фоном и даже героем в рассказах сразу многих авторов (да, это по-прежнему главный наш транспорт). Надя Алексеева и Ольга Харитонова пишут о трамвае. Важный персонаж рассказа Анны Матвеевой – самокат. В задумчиво-печальном тексте Анны Лужбиной героиня перемещается на электробусах и МЦК. Алексей Сальников отправляет своего персонажа в спокойную и комфортную поездку на автобусе из Шереметьево в Ховрино. Героиня рассказа Аси Шев в очень тяжёлых обстоятельствах пользуется МЦД-3, а главный транспортный герой здесь – фиолетовая ветка метро. Муж и жена в рассказе Аси Володиной по настоянию жены едут не на привычном метро, а на МЦД-4, потому что “так ты увидишь что-то новое” (кстати, мне очень нравится это соображение). Ваш покорный слуга заставил своего персонажа всю ночь ездить на ночных автобусах (признаюсь, я их очень люблю). Да, чуть не забыл: ещё персонажи рассказов пользуются такси, это тоже важный феномен нынешней Москвы.

Есть и несколько текстов о “старом”. Алексей Варламов пишет о длинном автобусном маршруте из Ясенево в центр в далёкие восьмидесятые, а Григорий Служитель и Денис Драгунский ностальгически вспоминают об ушедшем навсегда московском троллейбусе. Признаюсь, мне тоже жаль, что его нет. Рядом с моим родным домом на Садовом кольце была остановка троллейбусов Б и 10, я проехал на них дикое количество километров по любимому городу, и мне не хватает этих троллейбусов, которые казались вечными.

Перечислил транспорт, упомянутый в сборнике, и понял, что из существующих в Москве средств передвижения не хватает только велосипедов – ну, так получилось, хотя сейчас это важный элемент городской повседневности. И ещё речных трамвайчиков. Мне стало обидно за эти симпатичные маленькие кораблики (официально они называются “электросуда”). И в один из февральских поздних вечеров я приехал к пристани “ЗИЛ” и проехал (проплыл, прошёл?) на этом самом электросудне до Печатников. Это было удивительное путешествие. Почти пустой уютный салон (в выходные он заполнен под завязку, москвичи полюбили кораблики), приглушённый свет, а самое главное – совершенно необычная Москва, которую мы практически никогда не видим. Надеюсь, этот прекрасный вид транспорта ещё найдёт отражение в современной литературе. Может быть, я сам об этом что-то напишу.

Наверное, у читателя возникает вопрос: а почему это сборник называется “16 поездок”? Ведь текстов всего пятнадцать. Мы надеемся, что следующей поездкой будет ваша. И лично я надеюсь, что это будет не очередная поездка по делам – мы и так совершаем их почти каждый день, – а просто поездка, без цели. Вот как я проехал (прошёл, проплыл?) на кораблике от ЗИЛа до Печатников. Просто так, не по делу, а чтобы полюбоваться нашей Москвой. Я очень надеюсь, что вы (вот вы, да, вы) это сделаете.

Дмитрий Данилов

Надя Алексеева

Телефон звонил, хотел, чтобы я встал

Вот мужчина на остановке трамвайной, оттуда уходит “трёшка” до Москворецкого рынка. У мужчины седые усы и смеситель в руке, чуть заржавелый. Вообще-то уже прохладно, но сегодня солнце сквозь ситечко светит, разбавленным таким киселём. Он когда-то сыну покупал примерно такой концентрат абрикосовый и доливал воды столько, что питье выходило не густо-желтковым, а таким вот разбавленно-жёлтым, как это октябрьское солнце сквозь остановку без козырька.

Мужчина вдруг хлопает по карману: ага, телефон на месте. Сам купил им с женой по “самсунгу”, одинаковому. Чтобы в настройках не плавать и сына не беспокоить. Жена ещё просила поставить фотографии на заставку, ему – её, значит, а ей – мужнину, ну, чтобы любоваться. А на что больно смотреть-то? Как близняшки на старости лет, седые, коротко стриженные. Раньше она ещё серьги носила, на берёзовые листики похожи, а вчера одну потеряла, да и вторую сняла. Хорошо, говорит, до смерти мочки затянутся. В оригинале: “До свадьбы заживут”, – но уж какая тут свадьба? Разве есть что-то между серебряной, миновавшей, и золотой, до которой ещё десять зим – московских, вихрастых, с грустными фонарями и жаром жилых помещений?

Телефон вдруг звонит. Мелодия простенькая, базовая: пилик-пилик-пик-пик. И заново. Пилик-пилик-пик-пик. Номер незнакомый, вот бывает же такое, все цифры чужие. А раньше были какие-то родные сочетания, и номера короткие. Такие, вроде “2–27–40”. Здесь тоже есть “40”, и тоже в хвосте, но только чужие “сорок”. Ну их. Или ответить?

– Алё!

В трубке молчат, шуршат или кто-то дышит.

В кабине “трёшки” копошатся, вожатый (или как он теперь зовётся, водитель?) снимает жилетку зелёную, передаёт девчонке. На остановке никого, только вот этот мужчина со смесителем, телефоном, растерянным видом.

– Садитесь, – бросает девчонка в жилетке. – Сейчас уже едем. Время!

Мужчина в трамвае один. Вагон набирает ход, чух-чухает и бамкает по рельсам, а при-тормаживая, тонюсенько так пищит.

Новый трамвай, сидушки синим обиты. Расставлены пониже, повыше, напротив двери и у окон, подальше, чтобы ни с кем не вступать в разговоры. Снова звонит телефон, мужчина садится куда попало, ему отчего-то страшно.

Он снова отвечает:

– Алё? Что вам надо?

Трубка вздыхает совсем по-человечески, а дальше шуршит посторонне и чуждо.

Доехать бы до Москворецкого, и шут с ними со всеми, должно быть, мошенники. Хотя они бы как раз говорили. Ух, они бы плели кружева. Вспомнилось, как развели жену: она в последний момент сообразила (“Как Бог отвёл!”), когда уже код свой припомнила, собралась было высказать вслух. Будто бы сын на велосипеде сбил кого-то насмерть и сам в больницу со сломанной челюстью загремел, вот позвонить телефон одолжили, потому и голос такой, чудной. А денег теперь надо много и срочно. Откупиться от родичей жертвы и самому на операцию, чтобы челюсть на место вернуть. Жена говорила, что так и не выслала деньги, враз отключила телефон, забралась под одеяло и уснула. Как вырубил её, сама не знает. С тех пор у неё чуть дрожит подбородок и бесится-бьётся-трепещет сизая жилка под глазом. “Давление,

не выдумывай, это давно со мной так, стареем, не из-за телефона уж точно”. Врать так и не научилась.

Небо пыльное стало, или это окна в трамвае такие. Светофоров понаставили, но девчонка – молодец, ведёт прямо.

– Не знаете, как мне до “Сириус-центра” проехать? Одну остановку или две? – прямо журавль-композитор навис над женщиной: нос длинный, роговые очки на глазах и пучки волос за ушами, красивые даже пучки.

– Не знаю.

– Нездешний, – говорит композитор с какой-то учительской добротой, будто к ребёнку обращается, мол, “Монте-Кристо” ещё не читал, значит, всё у тебя впереди.

Мужчина обиделся. Вот ещё! Нездешний! Да я! Да мы!

Со смесителем в руке – металл тёплый, нагрелся, жаль, что лопнул, вот она, трещина-ржавчина-коррозия, – он вдруг вскочил, огляделся. Журавль-композитор сошёл на ближайшей, а он-то, осёл, взял и проехал рынок. Куда ж теперь, надо ведь выйти...

Но вдруг мужчина садится на место и смотрит в окно. Просто смотрит в окно. Там женщина на остановке, чудно так накрашена, стрелки не кверху, а книзу наведены. И собака при ней. Трамвай остановился, а двери не открывает. Женщина аж ногтями пытается отжать, оттянуть, распахнуть дверь, войти. Из кабины объявляют:

– *Не могу без намордника пустить животное. Не могу!*

– На себя намордник наденьте.

– *Я, что ли, правила эти придумала?*

– Вот сука... – бросает женщина, и стрелки по скулам текут от досады. А собака, песочный такой лабрадор, грустно глядит на хозяйку и помахивает хвостом. И остаётся он виден лишь в задние стёкла трамвая. Как будто щенком стал и шерсть посветлела ещё.

Нижние Котлы!

И вот за окном Варшавские бани кирпичные. Говорят, внутри там бахчисарай. Да где же это время найти – по парилкам таскаться. Хотя, в сущности, мужчина больше не работает, возится с машиной по субботам, шлёпает тапочками по квартире, новости смотрит с женой за ужином, после – боевики, уже сам, лёжа в спальне, пока не уснёт. На экране безукоризненно, вечно, всенепременно спасают всех главных героев. Жена такое не любит: “Нежизненно”. Она тоже на пенсии.

Ага, “Космонавт” на Варшавке, 12. Мозаика, сине-рыжая с красным, сколько раз мимо проезжал, оглянувшись едва, и мчал дальше. Некогда. Вроде там школа была с болгарским уклоном в советское время. Только при чём тут парень в скафандре? Идёт меж светил, что-то держит в ладонях, старательно смотрит вперёд. А в ладонях что-то горит и сияет. Как... как... да вот хоть как телефон.

Мужчина достаёт телефон, смотрит на него, потом перезванивает по тому, незнакомому номеру с “сорок” в финале. Абонент недоступен. Вот те раз. Ну, жена не звонит, не хватилась его – да и ладно, можно ещё чуть-чуть прокатиться.

Трамвай скрежещет по рельсам, мужчина уже не один в салоне. Кругом болтают. За его спиной слышно:

– А она взяла салфеткой и выдернула. Во, видишь.

– Вижу.

– И что теперь делать?

– Ничего, ты скоро мужиком станешь. Как все молочные выпадут, так и мужик.

– А мы ежа потом погладили.

В окне проплывает самый длинный дом в Москве, “Титаник”, так его дразнят. Трамвай мимо него не идёт.

– *Куда лезешь! Цепляется он! Ты чё, не слышишь? Брысь на хрен! И подножку свою забирай!*

Сзади тот, что молочным зубом хвалился, фыркает и заливается смехом, как погрешушка. Какая-то шантрапа скалится на остановке и что-то прячет в рюкзак. Вот это да, вот это девчонка в жилетке, отбрила кого-то.

Трамвай стучит дальше, извиваясь, минует Свято-Данилов монастырь. Будто началась настоящая Москва, а не Чертаново. Подумать только, тридцать восемь остановок до Чистых прудов, словно два разных города.

Приходит смс: “Вам звонили”. И снова тот незнакомый, но словно уже и не чужой номер. Следом звонок. В трубке молчат. Молчат долго.

Мужчина с телефоном у уха, от которого жарко вискам, рассматривает окрестности. Он в центре лет двадцать не был. А зачем?

Подле него, хотя полно свободных мест, плюхается парень. И тоже с телефоном. Мужчина слушает молчание и лёгкий шелест в своей трубке: вроде листья, а может, и книгу листают. Ну или, не знаю, река? Сосед, раскрыли колени, прижимает его силой молодости к окну и говорит в свой телефон:

– Алё? Да-да. Ага. А?.. Ага, ага... А-г-а... Ну прям!.. Что?.. А-а-а... Ага. Да... Визитки. Ага.

Мужчина пытается оттеснить соседа – тот отяжелел и напрягся как монумент, видимо, обдумывает разговор. Вдруг вскакивает, пробегает до конца салона и на остановке сходит.

Жуков проезд!

Батарейка на телефоне уже меньше половины показывает, мужчина нажимает на отбой: какого, собственно, хрена он должен слушать шипенье чужого ему человека. А может, знакомого? Вдруг всё-таки сын... на велосипеде... сшиб кого-то... да так, что только шелестеть и может... Пальцы мужчины, отбросив смеситель туда, где сидел этот с визитками и агаками-аками, набирают номер сына. Мужчина помнит все цифры наизусть, просто отстукивает по клавишам на экране, они чуть вибрируют в ответ.

Гудок прошёл, и сбросили. Смс: “Не могу, на встрече, всё норм, позже”.

Мужчина перечитал ещё раз, будто это шифр. И успокоился. Жена всё твердит: “Мальчик работает”. Мальчику сорок. Молочные зубы лет в десять растерял, мужик, значит.

Следующая – Павелецкий вокзал!

И правда, башня видна с остатками солнца на ней. За окном проплыла и вдруг встряла афиша. Lolita, что ли? Тошная стала, стриженная, в пиджаке плечистом... 15 ноября. Концерт.

“Концерт? – бормочет мужчина. – Бабка, дед, отец, отцов брат, дядя Юра, жили тут, на Павелеге. Я сам в школу ходил и даже покуривал тут же. Коммуналка была, но просторная. Снесли, расселили. Точнее, расселили, потом снесли. Вот она, дрызга-то, квартирный вопрос. Дядя Юра вселился в отцову квартиру новую, пришёл на час раньше, сказал, что он и есть Петров, на имя не поглядели, так и получил ордер. Мол, жена позже придёт, всё шмотки пакует. А сам неженатый. Отец пришёл позже с женой – селиться некуда, занято. Всю жизнь с дядь Юрой из-за той квартиры не разговаривал. Дядь Юра так и помер бобылём, кактусы разводил редкие, все окна полками перегородил, этажерок, горшков понаставил кругом, а сам спал на кушетке. Мать его навещала. Сердобольные какие-то бабы всё же. Или были сердобольные... Вот Lolita моталась бы так на трамвае с кастрюлей борща и котлетами? Да сказала бы, сам разбирайся с братом своим охреневшим! Или за метры московско-центральные его люто бы возненавидела. Теперь в той квартире дядь-Юриной сын проживает. До работы далековато ему, но что делать. Как ещё раз он написал в сообщении? «Не могу, на встрече, всё норм, позже». Да он и похож получился на дядь Юру. А в сорок стал – полная копия. Такой же бирюк и жениться не хочет. Аквариумы вместо кактусов установил. Угорает по рыбкам. Нежизненно? Может, концерт?

Как хотите зовите...» – с таким вот монологом мужчина трясёт головой, возвращается в салон, а трамвай тормозит и пищит. Потом трогается. Едет.

Всё едет и едет. Стучит и стучит.

Новокузнецкая, 24. На стене какие-то девицы и усачи вылеплены, вроде как из окон торчат, смотрят на мужчину. Мол, и куда ты попёрся со своим худым смесителем? Рынок-то уже всё, тью-тью, закрылся. Не в центре же смесители искать, тут у нас, дядя, кофейни да шмотки. Ну, цацки ещё на витринах блестят.

Яузские ворота!

В трамвай входит мать с ребёнком, сдёргивает с него шапку, и белые волосы точно пальмовые листья стеблями по сторонам рассыпаются. Жёсткие, прямые. Тот, что ежа гладил, оживился сзади и громко так говорит:

– А ещё там мышь в домик залезла и закрылась. Круглый такой, как гнездо!

– Лучше в окно смотри.

А там – река. Трамвай по мосту так гладко идёт. За рекой, в сероватой дымке, – башни Кремля. Кругом кирпичных стен осенняя перезрелая зелень. Река белёсая, будто густая. Ничего в ней не отражается. В трамвае все притихли, торжественно стало, мужчина наш усы примял пальцами, мать белобрысому сыну пригладила чуб.

Обсуждают, что по ту сторону высотка-сталинка, и таких в Москве семь всего. Мужчина никогда не был внутри высоток, да и снаружи разве что пацаном бегал, опять же когда на “Павелецкой” жил. Хотел авиаконструктором стать, в кружок ходил. А ещё всё вспоминал (и жену развлекал этой историей), как Петька, ещё один пацанёнок из кружка, в гости позвал. Стол накрыт с салфетками, вилки-ножи. Горничная. Мать Петькина называла её “Даша, помогает по хозяйству”. Почему-то больше всего супница запомнилась. Никогда он больше супниц не видел в жизни. Что мать из кастрюли разливала борщ, что жена теперь. А тут – супница, белая, мелкие незабудки на ней, а ручки кучерявые, посеребрённые. Потолки в той квартире были, конечно, высокие. Петька дома, небось, запускал свою модель. Хотя вряд ли. Добра столько – переколотить страшно... Петька поступил в МАИ, а он на завод пошёл, потом в заочный, потом плюнул. Сын родился.

Снова звонок. Громкий почему-то. Тот номер, он его почти выучил.

Не берёт трубку, но и звук выключить не хочет – вдруг жена позвонит.

Трамвай катит по бульварам. Решётка такая чёрная, основательная, охранительная, словно кто бульвары эти утащит.

Солнце вот только зашло. Точнее, где-то в деревне, на открытой местности, да даже в Чертаново оно ещё светит, пожалуй, а здесь – юрк за высотку, и закат.

Памятник чей-то спиной к трамваю. Конечно, бульвары главнее.

За телефонным звонком почти не слышно названия остановки. А нет, слышно.

Покровские ворота! Следующая Большой Харитоньевский переулок. По требованию.

Мужчина уже не может заткнуть свой телефон, тот звонит и звонит. А трамвай всё стучит куда-то к прудам. Как будто здесь весна или юг, даже Крым. Куртки у всех нараспашку, тётки цветами торгуют. На бульваре цыганка с арбузом. Её хочется рассмотреть, но трамвай уже с ней разминулся. Нырнул между кафешек и того дома с чудищами. Так сын называл, когда ездил сюда к репетитору: “Дом с чудищами, и Ольга Андревна там к месту весьма”. Остроумный рос парень, жаль, что пропал на работе. Ему бы жениться, а в целом... Мужчина опять посмотрел на смеситель в руке: вот она – жизнь, проржавела и лопнула.

Ещё раз сыну набрал.

Смс: “Давай завтра”.

Жена не умеет писать сообщения, вечно просит настучать что-то сыну вместо неё, а он обижается: вот ещё тоже. Сын мог бы и позвонить матери, знает ведь, что она не писатель. А может, не знает? Всегда за себя и за мать он ему и строчил.

- По требованию сходите?
- Ну да, – отвечает мужчина.
- Это у вас, что ли, телефон названивает?
- И что?
- А то, выключите, задолбал... – усталая хрупкая женщина.

Сойдя, они двинулись в разные стороны, забыв диалог в трамвае, будто прочитанную газету.

Мужчина набрал жене, придумывая сказать, что смесителей нету. И тот мужик, у которого всегда берёт, сегодня не торгует: наверное, в отпуске, что ж, потому в кухне без смесителя сегодня придётся. Но после гудка услышал странное: *“Абонент не может ответить на ваш звонок, попробуйте перезвонить позднее. Если хотите оставить ему сообщение, говорите после сигнала. Бип”*.

И тут же, едва нажал на отбой, – тот звонок.

Мужчина стоит над Чистым прудом. Хочет швырнуть телефон, по которому ни с кем не поговорить, прямо в воду.

– Не курю, – отвечает косматому парню на просьбу, хотя, когда зубы заноят, не прочь был и закурить. Но с собой сигарет не носил.

– Угостить? – предлагает косматый.

А нет, показалось.

Мужчина вдруг поднял смеситель повыше – да и швырнул его в пруд. Распугал породистых уток. У него в Чертаново крикают другие, будто попроще, серее, пестрее, тут – палево-рыжие, мандаринки или как их там называют.

У Грибоедова сел на ступеньку, выдохнул.

Телефон опять зазвонил.

Снова шипение. Потом знакомое, нежное, властное, нужное:

– Дайте я, тётъ Дусь! Да не наговорю на тыщу. Тихо! Погодите! Алё? Вы зачем мой телефон украли?

Новый трамвай, “трёшка”, прогрохотал и чуть пискнул, притормозив.

– Алиночка, ты?

А из трубки сквозь шипенье жена тараторила, что думала, будто из сумки вынули в “Пятёрочке”, к соседке пошла, и вот они час уже названивают и не могут дозвониться. Кто-то снимает и ничего не говорит.

– А мой телефон тогда где?

– В спальне, где телек смотрел, пока этот грёбанный кран не сорвало... – Жена всё уже знает, на то она и жена, но решает спросить очень ласково: – Купил хоть?

– Не очень.

Он просто пошёл по бульвару. Вот топал и топал. Вдыхал-выдыхал. А новый трамвай обогнал его. Крюк – и поехал обратно, в Чертаново. Всего-то час десять дороги. Мужчина решил прогуляться по центру. Серёжки найти для жены. И больше ему в этот день не звонили.

Анна Шипилова

Игра в шарики

“Не волнуйтесь, сейчас поедем обратно”, – ответил машинист. Я не вышла на конечной, думала, после неё есть ещё станция, и уехала в депо. Был поздний вечер буднего дня, я была одна в вагоне и не заметила, что и в соседних никого нет. Поезд остановился в тоннеле, свет погас. Я почувствовала, как тоннель давит на меня со всех сторон, что я здесь заперта – страшно не было, просто странно. Я позвонила машинисту и сказала, что не успела выйти. Через несколько минут свет включился, и поезд тронулся в обратном направлении. Я открыла заметки в телефоне и начала записывать. Привычка – фиксирую разговоры и отдельные слова, ситуации, которые происходят со мной и вокруг, детали – зелёные ногти женщины в красном пуховике.

Я родилась и выросла в Москве и с детства ездила на метро, машины у нас в семье не было. В гости и из гостей, в музей или театр, до электрички или к папе на работу – я помню метро девяностых. Оно было не столько средством передвижения, сколько возможностью узнать мир, увидеть тех, кто отличается от меня. Нищие желтолицые дети, женщины с навечно примотанными к груди младенцами, ансамбли “афганцев”, перекрикивающих вагонный шум. Мне как ребёнку обычно уступали место, дарили конфеты, почему-то пытались всучить деньги – от них мама резко отказывалась, а конфеты заставляла выбрасывать в урну при выходе. “Никогда ничего не бери у чужих людей”. Лет в двенадцать-тринадцать я начала ездить без родителей: в школу, в гости, к родственникам – и однажды потерялась. Перешла на незнакомую ветку, села в поезд и только к следующей станции сообразила, что еду не туда. Я выбежала и остановилась в центре зала, пытаюсь сориентироваться и не выдать себя: потеряться было стыдно. Кажется, это была красная ветка: “Охотный Ряд” или “Библиотека имени Ленина”, станция казалась старой, своды – низкими. Я поняла, что нужно вернуться тем же путём, справилась с тревогой и села в обратный поезд. Мне стало легко и смешно: и как я могла заблудиться? Но много лет во снах я ошибаюсь веткой, выхожу на неизвестной станции, поезд везёт меня явно не туда, и я куда-то не успеваю, а вернуться уже не могу.

В 2002-м я жила у папы на “Дубровке”, в трёх километрах от Театрального центра, а в школу ездила в Текстильщики. Мы с папой не смотрели телевизор и не знали о захвате заложников. 24 октября я проснулась раньше будильника – от хлопков, хотя, как я прочитала позже, никаких выстрелов не было. Папа отправился на работу, я – в школу. Было очень тихо, на улицах почти никого, и ни одного автобуса. Я долго ждала на остановке, в итоге поехала на метро и опоздала на первый урок. О теракте я узнала, когда учителя спросили, почему я приехала, кто выпустил меня из дома. Я, по-моему, вообще ничего не поняла, кроме того, что меня отпустили с уроков. Потом, уже в старших классах, на уроках обществознания мы устраивали дебаты – кто виноват, что делать, как можно было избежать теракта. Я была совершенно уверена в том, что всё знаю, всё прочитала о теракте, о войне в Чечне; как и в том, что я будущий юрист, как папа.

Когда я разговариваю с друзьями и знакомыми и речь заходит о терактах в Москве, то оказывается, что все москвичи их помнят, но каждый какой-то отдельный помнит лучше. “Помнишь взрыв в поезде между «Павелецкой» и «Автозаводской»?”, “да, если бы террорист не ошибся, то Москва-река хлынула бы в тоннель и всё метро бы затопило”, “в час пик, в восемь утра”, “жесть, фильм-катастрофа”. Кто-то помнит теракт в аэропорту Домодедово, после чего там установили рамки на входе. С тех пор я обращаю внимание на все оставленные вещи, на все чёрные неприметные сумки, пакеты и тележки, рядом с которыми никого нет. Я спускаюсь в метро – мой рюкзак просвечивают, прохожу мимо мраморной мемориальной таблички с

фамилиями погибших на “Автозаводской” – под ней свежие цветы. Почему-то это всегда гвоздики – я включаю вайфай и читаю: в Древней Греции они считались оберегом, в Риме гвоздики вручались победителям, в христианстве – символ скорби, во времена Наполеона жёны французских солдат вручали им цветы, когда те отправлялись на войну. Бомба весила почти двадцать килограмм, террорист-смертник пронёс её в рюкзаке, поражающими элементами были болты и гайки. После взрыва машинист остановил поезд, открыл двери, и тысяча людей вернулись обратно к “Автозаводской”, а около полусотни человек пошли к “Павелецкой”, несколько километров по тоннелю. Когда поезд останавливается в тоннеле, с тех пор я представляю, что нужно будет идти по рельсам – проверяю процент заряда в телефоне, думаю, на сколько хватит фонарика. “Абонент не отвечает или временно недоступен”.

На следующий день после теракта на “Лубянке” и “Парке культуры” я ехала в метро на работу к “Китай-городу”: в полупустых поездах были одни мужчины и ни одного мигранта. Кадры с камер наблюдения, списки погибших, ежечасные новости, подогревающие тревогу, – конечно, было не по себе. Но прошло несколько дней, и метро снова стало многолюдным, поезд уже не проезжал Лубянку, и никто в испуге не разглядывал станцию через окно. Москва перемолола всех – погибших, пострадавших, террористов. На “Китай-городе”, хоть я работала там несколько лет, я до сих пор теряюсь – упорно перехожу не туда, уезжаю не в том направлении. Путаю следы, петляю, как животное, которое уходит от хищника, возвращаясь назад.

С каждым годом в метро становилось всё больше людей – на своей станции я пропускала несколько поездов, прежде чем протиснуться в закрывающиеся двери. Юго-восток, фиолетовая ветка, из Выхина вагоны битком, изредка попадаете полупустой поезд, который остановился только в Кузьминках. В утреннем поезде все места – спальные, как шутил мой коллега. Я научилась спать стоя, как лошадь, привалившись к кому-то, или, если повезёт, встав около дверей – можно упереться головой в стекло рядом с надписью “Не прислоняться”, а если освободится место, то сесть, тут же заснуть и поднимать подбородок и приоткрывать глаза, только когда поезд тормозит перед очередной станцией. Можно читать, стоя на одной ноге и держась за поручень одной рукой, а пальцем другой руки перелистывать страницу, помогая себе носом.

В почте письмо от модного медиа: предлагают написать эссе о времени. “Осторожно, двери закрываются”. Сколько дней я провела в метро, сколько месяцев, а может, лет? Если ездить два часа в день, пять дней в неделю, двадцать дней в месяц, не считая выходных и отпусков, двенадцать месяцев, то это двадцать дней в год. Я работаю с восемнадцати, а значит, постоянно езжу в метро уже семнадцать лет. Триста сорок дней. Что я делала в этот без малого год?

Три месяца я проспала. Когда я одновременно работала и училась – вставала в семь утра, к девяти приезжала в офис, в шесть заканчивала и к семи ехала на пары. До девяти – до десяти мы занимались, смотрели и обсуждали кино, и домой я возвращалась к одиннадцати, иногда к полуночи. В те годы в метро я спала и иногда читала – учебники по режиссуре и истории кино к зачётам и экзаменам, сценарии и пьесы, перечитывала классику, по которой нужно было ставить этюды.

Собственно, три месяца я читала. С детства не представляла поездки в метро без книжки – если забывала взять одну, хватала другую с полки в последний момент, уже обувшись, и выходила из дома. Люблю читать на эскалаторах – особенно длинных, гулких: едешь в трубе, не нужно думать о том, скоро ли подъём или спуск закончится, можно полностью сосредоточиться на тексте. В час пик удобно читать с телефона – если тебе нужно занимать поменьше места, хотя у бумажных книг есть преимущество – они создают такую необходимую дистанцию с другими людьми. В вагоне чтение коллективное – если садишься с открытой книгой, в неё обязательно заглядывают, поэтому лучшее место – сбоку у дверей, как плацкартная боковушка: соседей нет, но мимо тебя все ходят, так что бумажную книгу могут и снести, нужно держать её крепче. Больше всего я запомнила “Под парусом в одиночку вокруг света”, книгу

английского яхтсмена Робина Нокса-Джонстона, в 1967 году впервые совершившего кругосветное путешествие, как это понятно из названия, без чьей-либо помощи и без остановок: ни GPS, ни актуальных прогнозов погоды, ни автопилота. Читать о том, как Робин борется с полемками, со стихией, как ловит радио и слушает, кто лидирует в гонке (участник из Франции неожиданно решил не возвращаться, а пойти на второй круг, и жена передавала ему по всем каналам: “Франсуа, возвращайся, тебя ждёт вся Франция!”), а кто выходит из неё (в итоге 8 из 9 человек снялись), как у него заканчивается еда и как он проклинает всё, говоря, что яхтинг – это каторга 24/7, а самой ехать в тёплом вагоне – интересный контраст.

Месяц я наблюдала за людьми. На первом курсе ВГИКа мастер сказал нам, будущим режиссёрам: “Я знаю, что вы все интроверты, знаю, что вы ездите в метро в наушниках и (тогда ещё) с книжками. Снимайте наушники, убирайте книги, смотрите на людей, слушайте, запоминайте, учитесь у реальности”. В дальнейшем этот совет мне много раз помогал. В детстве мне говорили, что долго рассматривать других людей невежливо, и я научилась делать это незаметно. Всё просмотренное кино, все прочитанные книги ничего не дают без наблюдения живую.

В 2020 году советы, как не заболеть Covid-19, были похожи на советы десятилетней давности после терактов: не посещать места скопления людей, не ездить на общественном транспорте, стараться не выходить из дома без необходимости. Я ездила на съёмки, по делам, привозила маме продукты и лекарства, носила и перчатки, и маску, не носила перчатки, носила только маску. Научилась разговаривать с людьми одними глазами. Вы выходите? Садитесь, пожалуйста. Ничего, я постою, мне на следующей. Это какая станция?

Месяц писала. У меня в телефоне – четыре тысячи заметок. Писать я начала в детстве. Сейчас стыдно вспоминать всё, что я писала лет до двадцати восьми, но тогда я считала, что пишу прекрасно. Я выросла в доме, полном книг, и больше всего любила читать о приключениях и путешествиях. Первые тексты я писала, подражая им, – до двадцати лет не выезжала из России и представляла себе другие страны только по книгам. Про какие-то потерянные сокровища на дне океана, дуэли на шпагах и саблях, про корриду и затерянные в пустыне немецкие подлодки, истории про рок-музыкантов, наркоманов и автостопщиков, истории о цыганах, танцовщицах, бунтарях и преступниках. А потом поняла, что писать нужно о тех, с кем я выросла, о том месте, в котором прожила большую часть жизни, о той жизни, которую я знаю, – жизни на окраине Москвы.

Месяц ехала по эскалатору. Когда я спускалась в метро в феврале и марте 2022 года, то постоянно чувствовала запах перегара – как в праздники, только никто не радовался, было больше похоже на поминки. Люди не смотрели друг на друга, прятались и прятали экраны телефонов. В сентябре 2022 года в поездах я видела много рыдающих или заплаканных женщин, бледных и потерянных мужчин.

Месяц переписывалась и листала социальные сети. Раньше метро было уважительной причиной – нет сигнала, перезвоню. С годами личное пространство сократилось до минимума: можешь не принимать звонок, не перезванивать, но нельзя не отвечать на сообщения – тебя ждут, тебя требуют, от тебя что-то постоянно кому-нибудь нужно. “Ответь мне в тг, я тебе написала полчаса назад”, – пишет коллега в ватсап. Ответь мне, ответь. Отвечать на вопросы – моя работа.

Неожиданная остановка в тоннеле. Уважаемые пассажиры, сохраняйте спокойствие, поезд скоро отправится. По техническим причинам время стоянки составит пять минут. Пять, четыре, три, две... Сохраняйте спокойствие.

Три недели кого-то ждала. Когда ты ждёшь кого-то, ты как будто находишься в лиминальном пространстве. Ты ещё не достигла пункта Б, стоишь посередине дороги. В этом состоянии путника, на вынужденной остановке, к тебе подходят люди – кто-то спрашивает дорогу, кто-то пытается познакомиться, кто-то просит деньги. Я с трудом представляю себе, что может поду-

мать человек, впервые попавший в московское метро: толпы вечно спешащих людей, огромная карта, совершенно непонятная и неудачная навигация, в которой могут запутаться даже москвичи. На станции “Павелецкая” ко мне в течение десяти-пятнадцати минут могут два-три раза подойти люди с чемоданами и спросить, как попасть на Ленинградский или Казанский вокзал. Когда отвечаешь, что нужно доехать до “Комсомольской”, смотрят с недоверием. Да-да, вам по кольцу.

Две недели ждала поезда. Иногда, особенно ночью, перед закрытием, стоишь на старой станции – сталинский ампир, пустой дворец, простирающийся куда-то ввысь и вширь, гулкий, с лепниной, мрамором и позолотой, – и, когда поезда нет три, пять, семь минут, прикидываешь, что делать, если он не придёт вообще, а потом перестаёшь проверять часы и представлять, слыша далёкий гул, что сейчас вкатится, дребезжа и ослепляя фонарями, паровоз, остановится с железным скрежетом, проводник спустит раскладную лестницу – чугунную, литую, – и ты поднимаешься, принимая его руку, пройдёшь по полутёмному коридору, освещённому газовыми фонарями, шаги будет гасить толстый ковёр, сверишься с билетом и номером, выгравированным на купе, и сядешь на своё место, задвинув красную бархатную штору.

Неделю целовалась. Удобнее всего целоваться на эскалаторе, как бы это ни было банально, а неудобнее – в вагоне, на прощание. Когда поезд прибывает на его станцию, он выходит, а ты остаёшься. Идеально, когда выходишь первая – тогда последнюю точку в прощании ставишь сама. Целуешь сухо, уже как будто не думая о нём, переключившись на работу, дела, голодную кошку. Ну давай, увидимся. Может быть. Пока. Проходя мимо памятных мест, вспоминаешь, как в таком-то году встретились здесь, а в таком-то – вот здесь. “Давай где обычно”, целовались и шли привычными маршрутами. Здравствуйте, Виктор Павлович. Как ваши дела? Только что видела Сергея Мироновича, передаёт вам пламенный революционный привет.

Один день писала этот текст.

Анна Шипилова благодарит редактора Аркадия Тесленко за помощь в работе над текстом.

Алексей Варламов

Попугай на Оке

Это было в тот год, когда я окончил университет и, уйдя из родительского дома, снимал однокомнатную квартиру в Тёплом Стане. Метро туда ещё не провели, и ехать приходилось от “Юго-Западной” или “Беляева” на вечно переполненном 196-м автобусе. Люди съезжались в эти края со всей Москвы в большие магазины “Лейпциг” и “Ядран”, и на линии ходил длинный жёлтый “икарус”, состоявший из двух салонов, в каждом из которых висела металлическая табличка с трудно прочитываемой надписью “Секешфехервар”. Это сочленённое чудо венгерского автопрома прозывалось в народе “гусеницей”, “гармошкой”, “колбасой” или “кишкой”, поручней в нём не хватало, на скорости машину нещадно трясло и раскачивало, заносило на поворотах, летом внутри было невыносимо душно, а зимой стёкла обмерзали на палец, и дыхание сотни бьющихся друг о друга пассажиров не могло обогреть вонявший соляркой и выхлопными газами салон. Но зато в “секешфехервар” всегда можно было влезть и ходил он довольно часто.

Под стать автобусу была и моя квартирка на предпоследнем этаже панельного дома на улице Генерала Тюленева, разве что в отличие от жёлтого “икаруса” очень маленькая. И до и после этого я сменил много разных адресов, но такого скверного жилища у меня не было никогда. Метров в пятнадцать комната с облезлыми обоями болотного цвета, затёртым полом, покрытым обшарпанным грязно-розовым линолеумом, с низкими потрескавшимися потолками и крошечной кухней, она накалялась в жару так, что открытые окна не помогали даже ночью. На кухне не было холодильника и табуреток, зато в изобилии водились тараканы, которых пытались травить прежние квартиросъёмщики, но прусаки выработали иммунитет и не боялись ничего. Что там тараканы – однажды ночью я проснулся от ужасной, точно кто-то зажигал спички между пальцами ног, боли и не понял, что происходит. Я включил свет и увидел маленьких, меньше спичечной головки насекомых, которые ползали по простыне. Никогда раньше я не видел клопов, но сразу догадался, что это они. Всю ночь я бродил по улице и вернулся домой лишь утром, когда солнце залезло в окно, суля ещё один несносный душный день в раскалённой клетке.

Казалось, всё изгоняло меня отсюда и спрашивало: что ты делаешь, безумный, зачем ушёл от добрых своих родителей, для чего покинул кирпичный отчий дом без клопов, с большим, набитым продуктами холодильником и окнами на север в хорошем московском районе возле почтенной станции метро “Парк культуры”? Или плохо тебе жилось с батюшкой и матушкой? Возвращайся, блудный сын, скорей пади к ногам их и проси прощения. Но я стойко держался за свою независимость.

Через неделю мне удалось извести клопов, хотя запах от той дряни, которой я их травил, не выветривался целый месяц. Холодильник мне подарила моя подружка Лена Северинова, перед тем как уйти от меня замуж. Осенним днём мы поехали к ней на дачу под Павловский Посад и протопали пешком четыре километра от станции до дощатого домика на четырёх сотках, но маленький агрегат под названием “Морозко”, в который можно было поставить разве что одну кастрюлю и пакет молока и который вопреки своему названию даже не имел морозилки, в “абалаковском” рюкзаке не поместился. Тогда я привязал ремни от рюкзака к задней стенке холодильника и надел “Морозко” прямо на спину. Ремни были коротковаты, и со стороны я походил на кентавра. Леночка отказалась меня сопровождать, садоводы и огородники смотрели с изумлением, а полная женщина лет пятидесяти с сумкой на колёсиках и букетом гладиолусов повернулась к мужу и с упрёком сказала:

– Вот видишь, Толик, народ с дач холодильники на себе увозит. А тебе лень транзистор взять.

Однако когда с холодильником за спиной я добрался на “колбасе” до дому и включил “Морозко” в сеть, оказалось, что агрегат не работает. Я сидел на нём и только что не плакал от обиды и отчаяния. Силы мои были на исходе, а родительский дом казался оазисом. Он манил к себе, но я должен был выстоять.

К счастью, вскоре заохлодало, измучившая меня жара в квартире сменилась лютой стужей и сквозняками, я вывешивал продукты за окно, а холодильник использовал в качестве табуретки. За это удовольствие я платил семьдесят рублей в месяц маленькому плешивому мужичку неопределённого возраста по имени Гена, который был уверен, что я приехал издалека и деваться мне некуда, а если бы узнал, что его квартиросъёмщик – интеллигентный москвич в третьем поколении – платит за свою свободу и право на одиночество, то принял бы меня за круглого идиота и был бы абсолютно прав. С учётом налога на бездетность на жизнь оставалось около тридцати рублей, из которых шесть я отдавал за единый билет, на остальные питался супом из плавленого сыра, жареной картошкой с майонезом и ливерной колбасой и внушал самому себе, что в этих жертвах есть смысл и когда-нибудь они себя оправдают.

В маленькой квартирке было тоскливо, после работы я бродил по центру, наматывая километры на московских улочках и бульварах, и возвращался домой поздно, когда “кишка” ходила пустая, но её не заменяли другой машиной. Иногда опаздывал на последний автобус и шёл пешком по проспекту Вернадского или по длинной Профсоюзной улице, но, в какой бы час я ни подходил к дому, в нём всегда светилося одно окно. Оно горело прямо над моей квартирой, и я гадал, кто может там жить на последнем этаже. Не то чтоб меня так это мучило или интересовало, но, когда жизнь пуста, какие только глупости не лезут в голову.

Однажды я вернулся с работы и увидел на полу в ванной лужу воды. Поднял голову – с потолка капало. Я подставил таз и пошёл наверх.

Дверь открыла высокая благообразная старуха с неподвижным лицом.

– У вас ничего не течёт?

– У меня ничего не течёт, – ответила старуха с готовностью.

– Откуда ж тогда у меня вода на потолке?

– Не знаю, батюшко, откуда у тебя вода. А ты вот пойди, сам посмотри.

У неё действительно было сухо и чисто. Я даже поразился тому, насколько по-другому может выглядеть точно такая же квартира, как моя. На аккуратной, украшенной полотенцами кухне бросалась в глаза икона с зажжённой лампадкой в углу – но не могла же она светить так ярко, чтобы я перепутал её с электрическим светом? Я хотел спросить старуху, однако не стал – да и какое мне было дело до того, кто залил чужую квартиру?

Но какое-то странное и разочарованное впечатление у меня осталось. До последнего момента это светящееся в ночи окно было тайной, которая мне что-то обещала, и теперь я почувствовал себя обманутым. Я плохо спал в ту ночь, несколько раз вставал курить, садился у окна на холодильник и смотрел на тёмную кольцевую дорогу, по которой днём и ночью ехали машины. Влезать снова в “гусеницу” и тащиться на работу не хотелось. Я вспомнил большую лабораторию, где нужно было заполнять и сверять бесконечные бумаги и радоваться тому, что тебя не посылают на овощную базу. Мысли о том, какого чёрта я пять лет учился в университете, покусывали меня, как клопы. Не то чтобы я был честолюбив и мечтал о карьере или необыкновенной жизни, но, глядя на сорокалетних сумрачных мужиков, которые много лет подряд ходили с девяти до пяти на одну и ту же работу и стреляли друг у друга деньги до зарплаты, я с ужасом спрашивал себя: неужели стану таким же?

Утром меня разбудил телефонный звонок. Звонил однокурсник Вася Норвегов. Он сообщил, что купил бутылку азербайджанского коньяка, и предложил её немедленно выпить. Я обрадовался тому, что нашёлся повод никуда не ходить, и позвал его к себе.

– А что, хорошо у тебя, – сказал Норвегов, оглядываясь. – Совсем другая жизнь.

– Чем другая?

– Женщин можно приводить когда хочешь.

– Ну можно, – сказал я кисло: признаваться в том, что никаких женщин после Лены Севериновой у меня не было, казалось стыдным.

– Сразу видно, ты, брат, в общаге не жил, – сказал Норвегов покровительственно и с чувством превосходства. – Я там чуть импотентом не стал. Только наладишься, как хрясь – в дверь стучат.

Вася приехал из Абакана, фиктивно женился и позвал меня в свидетели. После этого я вынес такое отвращение к загсу и нарядной служащей, глумливо объявившей моего сокурсника мужем, а сорокалетнюю высохшую женщину его женой, какое испытывал лишь в детстве к детскому саду, где меня заставляли есть гречневую кашу с молоком.

Жену свою Норвегов, с тех пор как заплатил ей тысячу рублей, а она его к себе за это прописала, не видел. Союз их строился на взаимном благородстве и честном слове: она обещывалась с ним не разводиться, а он – не претендовать на её жилплощадь. Вася страшными словами крыл москвичей и институт прописки. Я не совсем понимал, почему надо так клясть Москву и одновременно всеми правдами и неправдами в неё стремиться, а он ужасно сердился и кричал в ответ, что я ничего не понимаю, и что на всех москвичах стоит клеймо, и вообще он хочет в Питер.

– Ну так езжай.

– А прописка?!

Работал Норвегов экскурсоводом у трёх вокзалов, ездил по Москве на экскурсионных “икарусах” со случайными группами, состоявшими из ожидающих поездов людей. Поначалу Василий честно пытался заниматься их просвещением, но вскоре убедился, что ничего кроме могилы Высоцкого на Ваганьковском кладбище и Олимпийской деревни приезжих не интересует. Водителей красных “икарусов” – людей, по его мнению, циничных и высокомерных – Норвегов ненавидел так же, как и свою работу, и это нас сильно сближало. Мы оба думали, что всё у нас пока временно, пили коньяк и мечтали о другой жизни. Обитал Вася где-то на съёмной даче на станции «Платформа сто тридцать третий километр», куда он меня несколько раз звал, но я так ни разу туда и не добрался. Иногда мы уезжали с ним в путешествия по окрестным городам – он хорошо разбирался в таких мудрёных вещах, как расписание автобусов и поездов, и с ним я знал, что не пропаду. Но самой большой проблемой в нашей жизни, которую Норвегов умел решать, была добыча выпивки. Километровые очереди за водкой эпохи ранней перестройки сменились талонной системой времени первых съездов народных депутатов. Разделившись, мы гоняли по всей Москве, отоваривая талоны, звонили из автомата моей маме – она сообщала мне, где и в какой очереди стоит Норвегов, а я передавал через неё, где стою я; мама координировала наши передвижения, так что вдруг оказывалось, что надо срочно брать пустую тару и ехать с двумя пересадками с “Автозаводской” на “Фили”. Я нёсся туда сломя голову, очередь уже подходила, меня не хотели пускать, крепкие мордатые алкаши всех распихивали, терпеливо жались интеллигенты, стойко стояли старушки, и среди этого волнующегося человеческого моря возвышался, как памятник без постамент, худенький Вася Норвегов, который уже всех знал и со всеми перезнакомился. Не знаю, какие чувства испытывала диспетчер-мама, когда, счастливые, мы объявляли ей, что нам удалось взять четыре “Кристалла”, две имбирных и три портвейна, но Норвегов ей нравился. К тому же благодаря ему она чаще слышала мой голос.

Мы допили коньяк и поехали в таинственную квартиру на “Варшавской”, где норвеговские знакомые поэты читали стихи. Все они работали, как и мы, чёрт знает кем и где, все были необыкновенно талантливы, умны и уверены в своём блестящем будущем. К часу ночи поэты разошлись, пора было уходить и нам, но Норвегов никуда не торопился. Он сказал, что его

электричка ушла, на такси у него денег нет, расположился на диване, пил кислое венгерское вино, ревниво передразнивал поэтов и пытался рассмешить хозяйку, миловидную кареглазую, но слегка заторможенную девицу, которая недавно вышла замуж, однако муж по какой-то причине отсутствовал. Васенька её дружески приобнимал, предлагал выпить на брудершафт, и я несколько изумлённо следил за его ухаживаниями. Институт брака представлялся мне в ту пору священным. Сперва девушка сбрасывала его руку довольно вяло, потом решительнее, но он был настойчив. Странное дело: мне хватило бы десятой доли той пренебрежительности, с какой она отмахивалась от его полупьяных приставаний, а он норовил её подпоить, но вместо этого подпоился сам до состояния невменяемого.

– Слушай, мать, а почему у тебя метро называется “Варшавская”, – с трудом выговорил Норвегов топоним, глотая гласные, как заправский поляк, – хотя Варшава совсем в другой стороне?

– Я почём знаю? – девица пожала плечами и зевнула.

– Нет, ты должна изучить вопрос.

Мне это всё надоело ужасно, и я сказал, что уйду.

– Уходите оба! – запротестовала хозяйка.

– Ты меня выгоняешь?

– Заберите его, пожалуйста.

– Он не маленький, – буркнул я.

– Подожди меня минутку на улице, я сейчас, – заявил Норвегов и шёпотом добавил: – Иди, иди. С женщинами надо быть не гордым, а упрямым.

Я немножко постоял на улице, покурил, но из дома никто не вышел. Я не завидовал, не ревновал – я был разочарован. Девушка мне и самому понравилась, и то, что она не выгнала Норвегова, меня огорчило. Подошёл похожий на маленького динозавра первый утренний троллейбус, и мне стало так грустно, что, вернувшись домой, я выпил ещё водки и саркастически вспомнил маму, которая переживала из-за того, что я не женат.

Разбудил меня звонок в дверь. Спросонья я почему-то подумал, что это вернулась Лена Северинова, и стал торопливо надевать штаны и рубашку.

На пороге стояла старуха с верхнего этажа. Она смотрела на меня ясными глазами. Но что-то очень странное было в этих застывших глазах.

– Я, батюшко, повиниться пришла. Солгала я тебе. Это я тебя залила. Стирать стала и залила. А потом как наступила в ванной на пол, то всё и вытерла.

Я уже забыл про залитый потолок и смотрел на старуху недоуменно.

– А тут стала перед исповедью грехи перебирать и вспомнила. Ты прости меня старую.

– Бабушка, а почему у вас ночью свет всегда горит?

– А я его не вижу, – ответила старуха. – Я, батюшко, от рождения слепая.

Она твёрдо пошла по коридору, а я отправился спать. В дверь зазвонили снова. На пороге качался осиной трепетный Норвегов.

– Ты чего? – спросил я.

– Ничего, – сказал он и печально добавил: – Ничего.

Честность была его несомненной добродетелью. Вася никогда не приписывал себе недействительных побед.

– Хотя я уверен, что с мужем она несчастлива, – сказал он, снимая маленькие ботинки. – Счастливые женщины выглядят иначе. У меня на это нюх.

Я рассказал ему про старуху.

– Лопух ты, братец. Давно надо было у неё талоны на водку попросить, – сказал он, зевая.

Мы ещё немножко выпили и легли спать. А назавтра отоварили в винном отделе “Лейпцига” старухины талоны, взяли резиновую лодку, сели в электричку на Курском вокзале и поехали на Оку под Тарусу. Река кишела рыбой, но, сколько я ни закидывал спиннинг, у меня

не брало. Палатки у нас с собой не было, мы спали под открытым небом, варили макароны с тушёнкой, слушали соловьёв, а на третий день, когда плыли метрах в пятидесяти от левого берега Оки, Норвегов увидел барахтающегося в воде попугая. Вода была ещё совсем холодная, попугай выбивался из сил, объёмистый мужик мощно загребал по направлению к нему против течения, и громко кричала на берегу маленькая остролицая девочка.

– Туда! – скомандовал Норвегов.

Мы успели вытащить попугая в последний момент. Ещё мгновение, и дурная птица, убежавшая от своих докучливых хозяев и вообразившая, что перед нею воды никак не меньше, чем Лимпопо, сгинула бы в Оке. Но схваченный Васей попугай извернулся и со всей дури клюнул своего спасителя в палец. Норвегов сжал его, попугай издал хриплый звук и обмяк.

– Эй, эй, потише там! – завопил подплывший к нам синий от холода мужик с круглыми бабьими плечами. – Он денег знаете каких стоит!

– Ничего себе! – возмутился Норвегов. – Мы ихнего попугая, рискуя жизнью, спасли, а нас же ещё и ругают. Может, его обратно выпустить?

– Я те выпущу! – сказал мужик, тяжело дыша, и уцепился за лодку.

Девочка на берегу хлопала в ладоши и приседала вокруг клетки, попугай открыл один глаз, потом другой и возмущённо заверещал, а Норвегов мрачно рассуждал:

– Вот если бы я рассказал этой крале с “Варшавской”, что в мае месяце меня укусил на реке Оке попугай, она бы меня точно не выставила. До крови, гад, куснул. А у него заразы никакой нету? Откуда ты знаешь?

В Пущине мы увидели на берегу девушку в белом платье. Она весело помахала нам рукой.

– До Варшавы далеко? – крикнул Норвегов.

– До куда?

– Ну, до Каширы.

Девушка принялась объяснять. Она разбиралась в географии так же слабо, как малахольная норвеговская хозяйка, не соображала, в какой стороне что находится и куда течёт река, говорила путано, но нам нравилось болтать с ней, а ей с нами, и мы все трое смеялись. На берегу появился смурной человек в майке и тренировочных штанах с пузырями на коленях.

– В чём дело, Света?

– Вот ребята не знают, куда им плыть. А ещё говорят, что Ока течёт через Польшу и в ней водятся попугаи. Представляешь?

– Представляю, – сказал он хмуро.

Он всё быстро и толково нам объяснил, девушка замахала нам рукой, но Норвегов сделался печален.

– И почему только они выходят замуж за таких уродов? Не знаешь? А я знаю. Потому что мы на них не женимся. Они хотят замуж. А мы хотим гулять. Ну куда нам жениться? Какой из меня или из тебя муж? Разве что фиктивный.

Мы плыли до поздней ночи, и приставать к берегу не хотелось. Ночь была тёплая, звёздная, какие редко случаются в начале мая. Вода тихо плескалась возле бортов лодки, соловьи в прибрежных кустах пели как сумасшедшие. Мы бросили вёсла, курили и смотрели, как нас уносит течение. В темноте мерцали огни бакенов, иногда нас обгоняли большие баржи с сигнальными огнями, и снова становилось тихо.

– А давай не вернёмся? – предложил Норвегов. – На хрен нам Москва? Через пару месяцев приплывём в Персию и, когда приедем домой, расскажем такое, что все девушки будут нашими.

– У нас нет денег и еды.

– Неужели ты думаешь, что на русской ферме нам откажут дать молока?

С русской фермы нас прогнали на следующий день матюками. Я шёл вслед за Василием по нарядной приокской деревне, где дома, свежепокрашенные в весёлые голубые и жёлтые цвета, удивительно контрастировали с разбитыми дорогами и невысыхающими лужами. Вожакий мой не унывал – он зашёл в один дом, в другой, третий, и мало-помалу мы набрали себе на пропитание.

– Дойдём до Муромы, – объявил Норвегов. – Пошли матери телеграмму, пусть высылает деньги на обратную дорогу.

За Рязанью лиственные и хвойные леса отступили, Ока текла в пустынных глинистых берегах, кое-где из них выходя и заливая луга. Вокруг было множество птиц, они летали высоко над землёй, носились низко над водой, плавали, ныряли, сидели на островках, кричали. Всё зеленело и распускалось вокруг, воздух накачивался волнами и тёк, как ещё одна громадная, разлившаяся в половодье река. Иногда встречались деревни или одинокие избы, в которых жили бакенщики, но часто мы не видели за день ни души. С дровами было плохо, зато хорошо с комарами. Мы стали чёрными от солнца и опухшими от укусов.

Перед Касимовом погода испортилась: задул ветер и пошёл холодный дождь. Мы лежали под полиэтиленом, курили, раздражая дымом пустой желудок, и хотели домой. В Москву. А потом так же стояли и мокли на шоссе со своими рюкзаками и лодкой. Никто не останавливался. Холодно, голодно и плохо было так, что, мне казалось, это не кончится никогда и мы прямо тут помрём. Не шевелиться было невозможно, а стоило пошевелиться, как мокрая одежда от носков до воротника рубашки прилипала к телу. Норвегов махал руками, одной и двумя, вытягивал кулак с оттопыренным большим пальцем вниз, переворачивал его вверх, но ничего не помогало. Обдавая нас брызгами, тяжело гружённые машины проезжали мимо.

– Вот суки!

Сейчас бы любой автобус – кишку, гусеницу, колбасу, арбуз, каракатицу, – лишь бы уехать отсюда.

Уже смеркалось, когда из притормозившего “Камаза” высунулась чернявая рожа и, сверкнув зубами, сказала:

– Здэс нэ стойтэ, рэбятэ. Здэс рядом ГАИ. Далше, далше идытэ.

– Фигня! – воскликнул Норвегов и двинулся в сторону молодого белобрысого мента, должно быть, нашего сверстника. – Браток, помоги до Москвы добраться.

Гаишник в брезентовом плаще махнул палкой и остановил первого попавшегося дальнотбойщика.

– Да куда я их двоих с хотулями в кабину посажу? – возмутился водитель.

– Залезайте, хлопцы. Остановят – скажешь, я разрешил, – лениво приказал служивый. Ему нравилось показывать свою власть.

Шофёр ругался и говорил, что ни в какую Москву он не едет.

– А нам, батя, хоть куда, только б под дождём не стоять. Ты же не с “икаруса” московского, посреди дороги людей не высадишь, правда?

В кабине было сухо, тепло, дворники смывали воду, водитель постепенно успокоился и стал рассказывать, как в Скопине к нему в машину попытались запрыгнуть на ходу двое шалопаев.

– Вроде вас шляют, не пойми кто. Я остановился. Выхожу из машины: мать честная, а весь борт у меня в крови. Ну всё, думаю, хана, сдаваться надо. Самого дрожь бьёт. Мент машину обошёл, посмотрел на меня и говорит: ну дыхни! Я дыхнул, он так разочарованно: “Не пьяный”. Это, говорит, арбузный сок... Вы чего бороды-то отрастили? Думаете, умнее будете казаться?

– Мы, дядя, в поиске, – сказал Норвегов меланхолично.

– В розыске? – Шофёр скосил на него ясные голубые глаза.

Руки у шофёра были толстые, жилистые, а из-под сиденья торчала монтировка.

Ночевали мы в городке строителей возле Спас-Клепиков. Дальнобойщик накормил нас консервами, положил спать в вагончике, а утром довёз до Рязани и дал денег на дорогу домой. Норвегов тотчас же потащил меня в привокзальный ресторан, и в Москву мы поехали зайцем и на рогах.

Последствия нашего путешествия были нехороши. Мне объявили в лаборатории строгий выговор и отправили на овощную базу в Солнцево. А Васю из его экскурсионного бюро погнали. Он слонялся без работы, а потом исчез, и долгое время я ничего о нём не слышал.

Опять настало лето. Полчаса в “кишке” до метро казались пыткой, и так же невыносимо было в квартире. Каждый час я залезал под холодный душ, потом, не вытираясь, ходил по комнате и пил воду. Однажды в сумерках мне в дверь позвонили. Я открыл как был, в одних трусах, и увидел Леночку Северинову.

– Не ждёшь? – спросила она строго.

Я пожал плечами:

– За холодильником пришла? Бери, он мне не нужен.

– Не ври, он не работает.

– Ты откуда знаешь?

– Он уже сто лет не работает. Мы не знали, куда его девать.

– А зачем же тогда ты его...

– Да надо было куда-то оттащить.

Она стояла и никуда не уходила. Лицо у неё было такое же красивое, только глаза погрузнели, и я чувствовал, как колыхнулось у меня сердце.

– Ну и развёл ты грязи! Тащи ведро с водой и тряпку.

На следующий день Леночка поехала в “Ядран” и купила жёлтые занавески.

– Шторы в квартире – как туфли на ноге женщины, это половина дела, – объявила мне она весело.

А ещё через месяц поздним вечером появился хозяин квартиры. Был он выпимши.

– Всё, парень, жилплощадь я больше не сдаю, – объявил Гена мрачно.

– Ты бы хоть заранее предупредил, что придёшь, – сказал я, и все заныло у меня внутри.

– С чужого коня среди грязи вон, – ответил он и потопал на кухню. – Меня моя баба тоже не предупредила, что хахаля в дом приведёт.

Я был уверен, что Леночка этого не переживёт и исчезнет из моей жизни навсегда, но она спокойно сняла югославские шторы и поехала со мной на последней “гармошке” на Курский вокзал. Народу в салоне кроме нас не было, и добрый водила гнал раскачивающийся и виляющий задом “Секешфехервар” по пустой Профсоюзной улице, по Ленинскому проспекту и по Садовому кольцу до самого Курского вокзала. Мы успели вскочить в захаровскую электричку, уходящую в половине второго. Сто тридцать третий километр оказался Тридцать третьим, и ехать до него было меньше часа.

А потом долго ходили по ночному посёлку и искали норвеговский дом. Ночь была ветреная, тревожная, Леночка озябла, но, должно быть, прошедший год, о котором мы не обмолвились ни словом, дался ей не легче, чем мне, и она заметно присмирела и не говорила мне больше о моей никчёмности. Застеклённая терраса светилась на краю мрачного посёлка так же, как светилось одинокое окно слепой старухи на верхнем этаже.

С террасы на нас безо всякого смущения глядела краля с “Варшавской”. И глаза у неё действительно были совсем другие, чем в прошлый раз.

– В жизни всегда есть место для подвига, – промолвил Норвегов, доставая с подоконника большую бутылку самодельного вина из черноплодки. – А я, брат, съезжаю.

– Куда?

– Разводимся мы с ней, – сказал он, показывая на кралю. – А потом женимся и едем на Курилы.

– Почему на Курилы?

– Там икра, рыба красная, бамбук. Погранзона и ни одного “икаруса”.

Мы выпили вина, разожгли в саду костёр и стали рассказывать двум девушкам про шофёра-дальнобойщика и разбитый арбуз, про попугая на Оке и слепую старуху, они смеялись, охали, но верить нам не хотели. Ночь была ясная, звёздная, потом взошла ущербная луна, где-то лаяли собаки, падали в саду яблоки, и было слышно, как далеко гудит московская электричка.

Анна Лужбина Мурмурация

Катя работала в МФЦ на Новокузьминской, на втором этаже, в двадцать втором окошке. За её спиной – другое большое окно, в нём карандашами стояли аккуратные берёзы. Когда в работе случался перерыв – Катя разворачивалась наоборот, спиной к рабочему окошку, а лицом к большому. Смотрела через приоткрытые жалюзи на весеннее небо, на спешащих к метро людей. Ранняя весна – Катино время года: снег уже почти сошёл, но земля ещё не очнулась.

За окном вещи свободные, безмянные, а здесь, вокруг Кати, любой предмет с длинным номером, написанным чёрным маркером, и она выучила эти номера наизусть. Вот номер на шкафу, вот на кресле, вот на флешке, висящей на шее. На первом этаже, прямо под Катей – музей трудовой славы, в котором всегда выключен свет. Рядом с музеем сидел охранник, полуспящий и тёмно-синий. Катя, проходя мимо, здоровалась с ним по привычке: иногда охранник отходил, и она здоровалась с пустым стулом.

“Уже полгода”, – подумала Катя, глядя на календарь, когда на рабочем стуле развернулась от большого окна к маленькому. За её спиной восходило позднее весеннее солнце, холодное как звезда.

Катя устало посмотрела на посетителя: по электронной очереди с той стороны окошка села зимняя женщина В14. Зимняя, потому что слишком много одежды: Катя вспомнила детскую загадку то ли про лук, то ли про капусту. Вспомнив, удивилась, как загадка пробилась сквозь плотные волны привычных мыслей и цифр. Маленькая хрупкая лодочка: детское, давно забытое воспоминание.

Женщина, залитая красным солнцем, сняла красный берет, и на лбу у неё остался такой же красный неудобный след. А так, во всём остальном, В14 была совершенно обыкновенной. Катя только засмотрелась на её седые лёгкие волосы – подвижные, как зонтики одуванчика, дунешь слегка – и взлетят.

В14 приватизировала старую квартиру, чтобы наконец продать: она несколько раз сказала, что оттягивала приватизацию много лет. Отдала документы, толстую папку с файлами: выбирай что угодно. Катя отложила папку: в первом файле мелькнула чёрно-белая фотография – дурной знак, что папку не перебирали уже сотню лет.

Катя стала сканировать паспорт В14 по правилам, каждую страничку. Надо не забыть зайти в аптеку – в ту большую, что на Михайлова, у остановки 51-го. Перед обедом позвонить сиделке: та попросила приехать пораньше, и Катя отпросилась с работы – не лишили бы из-за этого премии. Без дедовой квартиры в Текстилях точно не хватало бы на лекарства, да и на саму сиделку, нужно было заканчивать вышку, нужно было, а может, и не нужно.

Катя сканировала паспорт, не глядя, одной рукой. Будь В14 помоложе, то точно подумала бы: на любого человека в МФЦ и так есть все данные, зачем сканировать? Почти все думают одно и то же, когда Катя делает одно и то же, и зачем-то озвучивают. Если бы у Кати в МФЦ была власть, она приклеила бы ярко-розовый стикер: мысли без заданного вопроса можно не озвучивать.

– И зачем вам каждую страницу паспорта сканировать? – всё-таки озвучила В14.

– В департамент надо отправить полный комплект документов, – на языке у Кати всегда сидел готовый ответ, подходящий под половину вопросов.

На другую половину лучше не отвечать. Катю вопросы не сердили и не радовали, как и ответы, как и много чего ещё, потому что в этом не было смысла, говори не говори. Хотя

когда-то она злилась, представляла, что работает бесом в аду, пусть и в таком теперь удобном – не то, что было.

– Как хорошо сделали – не то, что было, – снова озвучила В14 и огляделась по сторонам так, как оглядываются в богатых гостях.

Катя молчала: может, она – это сон тех вещей, что пылились в музее внизу. Однажды там включают свет, и что-нибудь станет иначе. Ласковые руки поднимут вещи жалостливо, как найденных на дороге котят, протрут вековую пыль тряпочкой и вернут домой.

В14 расстегнула золотистые пуговицы кофты, под ней была ещё одна кофта и крупное старомодное кольцо. Приготовилась подписывать документы: по-хозяйски подтянула длинные рукава почти до локтей. На пальце блеснуло большое кольцо с зелёным камнем – мужской перстень, огромный и дикий.

– Это муж подарил, – В14 поймала Катин взгляд и подняла руку – зелёный камень блеснул в свете солнца. – Я потому, если честно, и приватизирую только сейчас – не могла с ним договориться. Теперь он умер, и я могу.

Катя осторожно кивнула и шлёпнула на сканы паспорта штамп “Копия верна” – чуть сильнее, чем обычно. Все люди разные и одинаковые одновременно – к этой мудрости Катя пришла сама, когда стала работать с документами и электронной очередью. Мысли посетителей МФЦ всегда шелестят, даже неозвученные, – слишком громкие, они мешают думать своё.

Катя стала заполнять заявление – ту часть, где такие вопросы, на которые все чуть-чуть улыбаются, и работники тоже. Пару лет назад это было даже забавно, но потом она стала чувствовать себя рассказывающей один и тот же анекдот, и не такой уж, кстати, смешной.

– Приватизация квартиры – ваше добровольное решение? – Катя смотрела в экран и специально моргала на счёт, потому что иначе к вечеру пересыхали глаза. Иногда она забывала моргать.

– Да.

– Бывали ли вы в местах лишения свободы?

– Не бывала.

– Вы пришли одна или в сопровождении кого-то?

– Я одна.

– В каком вы настроении?

– Что?

– Они правда спрашивают об этом, извините. Вы грустны, веселы, злы, пьяны?

– Напишите, пожалуйста, что я весёлая и трезвая.

– Вы дееспособны?

– Не очень.

Катя только успела привычно разогнаться и даже зафиксировала на лице улыбку, но тут же затормозила.

– То есть? – она посмотрела снова на дикий перстень, а потом В14 в лицо – та выглядела смущённой, но всё же решительной.

– Я не уверена, что дееспособна.

– Но я могу всё-таки ответить “да”?

– То есть мы ответим нечестно?

– Иначе данное заявление вернут обратно, а вы должны будете прийти вместе с опекуном или представителем, – Катя с сомнением посмотрела на заявление: вероятно, лучше с кем-нибудь посоветоваться. Может быть, у В14 есть дочь, с которой удастся наладить контакт.

– У меня теперь никого нет, так что давайте в данном заявлении ответим нечестно. Был вот муж, а теперь его нет, а больше никого и не было.

В животе кольнуло непрошеное горе, и Катя ощутила сразу же вкус своего: огромное, солёно-ледяное горе, затягивающее в себя всё тепло.

– А что с ним стало? – шепнула Катя, одновременно ругая себя за лишний вопрос.

– Заболел.

– И что вы почувствовали, когда он умер?

– Что проиграла.

Оля из двадцатого окна звучно чихнула, Катя очнулась и шлёпнула ещё пару печатей.

– Я отвечу, что вы вменяемы.

Женщина кивнула и заговорщически посмотрела по сторонам.

– Да, давайте сделаем, как вы говорите, Екатерина, – она тоже вернулась к обычному голосу.

Катя заполнила оставшиеся галочки сама – решила на всякий случай больше ни о чём не спрашивать. По имени, хоть оно и написано огромными буквами рядом со званием старшего специалиста, Катю не называли почти никогда.

Заявление женщина подписала так, как их подписывают все: делая серьёзный вид, что прочитала и что-то в нём поняла. Для подписи сняла перстень и, положив его рядом с собой, размяла недовольные пальцы. Катя снова взглянула на перстень: что же это был за мужчина, который подарил жене такую дичь? Понимал ли он, что умрёт раньше, чем она? Долго ли он болел, почувствовала ли она себя *после* освобождённой?

– А как мне вас отблагодарить за эту нечестность? – спросила вдруг женщина и подмигнула.

– Поставьте вот здесь зелёный весёлый смайлик, тем более что вы веселы и трезвы, – Катя указала на маленький экран, где можно было выбрать реакцию на обслуживание. – Хотя я просто делаю свою работу. А ещё здесь, кстати, камеры.

– Я продам квартиру и уеду в большое путешествие, – женщина улыбалась игриво, по-детски, и явно чувствовала себя теперь намного свободнее. – Хочу приватизировать, получить, чтобы потом снова отдать, понимаете? Мы с мужем думали, что когда не своё, то куда надёжнее. Я вообще всегда боялась, хотя всю жизнь водила трамвай, вот вроде бы что безопаснее трамвая, а боялась. Даже когда укладывалась спать, то мылась, убиралась – вдруг вызывать скорую помощь, а что-то нечисто? Теперь ничего не боюсь. Ещё хочу покрасить волосы в рыжий цвет, я всегда мечтала.

– Это здорово, – осторожно ответила Катя. – Вам пойдёт.

– А вы вот плохо выглядите, над вами будто висит чёрное облако, Екатерина, а вы ещё так молоды.

Катя со всей силы шлёпнула печать.

– Такое сейчас время.

– Какое?

– Непростое. А вы приходите через две недели, – она взяла белую папочку и сложила в неё второй экземпляр заявления, – нам придёт договор от Департамента городского имущества, его нужно будет подписать, для этого придёт смска – без смски не приходите, потому что из департамента позвонят и скажут, что нужно идти, но они всегда звонят и говорят неправильно, поэтому мы стали рассылать смс, и вот, пока не придёт смс – нельзя приходить.

– Я поняла.

– Это хорошо.

– Поняла, что надо делать.

Женщина задумалась о чём-то и надела красный берет. На Катю пахнуло духами, давно забытым сладким ароматом. Невозможно вспомнить, у кого были такие духи: Катя увидела выцветшие обои в своей детской комнате и то, как впервые попробовала ананас. Его принесли какие-то отцовские позабытые друзья: блестящий мужчина с чёрными маленькими усами, с ним высокая светловолосая женщина. Все блондинки казались тогда Кате невероятно красивыми. Удивительно, кажется, та блондинка водила троллейбус...

– Это всё. Приходите только по смске, не слушайте департамент, они точно снова позвонят и скажут неправильно, – почти прошептала Катя.

Женщина, кивнув, встала, Катя встала тоже и отошла, чтобы больше не разговаривать. Посмотрела в телефон: не забыть бы уйти пораньше, не подвести сиделку. Шёл другой посетитель – Катя уже увидела его номер А87 на экране электронной очереди. Повернулась к большому окну: в нем отражались номера с табло, спокойный голос произносил те же номера вслух. Катя была уверена, что это голос чудовища, живущего в подвале музея трудовой славы. Когда-нибудь она займёт его место, поднявшись по карьерной лестнице.

Солнце взошло и накрылось одеялом-тучей, словно счастливо передумало куда-то идти. На улице всё ещё бежали люди к метро – им повезло куда меньше, чем солнцу. Пританцовывая, прошёл Микки Маус: несколько раз Катя видела, как он курит на детской площадке, откинув на спину плюшевую голову. Кажется, он рекламировал секонд-хенд поблизости – нужно будет туда зайти. Вдалеке синел электробус крохотным чернильным пятнышком, как если испачкать палец жидкостью для заправки печатей. Он ехал в сторону дома, а домой не хотелось, не было места, куда бы хотелось. Надо позвонить сиделке.

Катя повернулась: на её столе лежал забытый дикий перстень, а клиента А87 всё ещё не было. Она сердито схватила перстень и, шепнув Ольге из окошка двадцать, что через минуту вернётся, спустилась на первый этаж. Охранник у музея трудовой славы посмотрел на неё, удивлённо распахнув заспанные глаза.

– Здрасьте, женщина в красном берете вышла? – крикнула ему Катя.

– Здрасьте, не видал.

Катя выбежала в одном рабочем бежевом свитере, прямо вот так, без пальто – в раннюю грязную весну. В такую погоду за природой подсматриваешь: голые берёзы задрожали от ветра, окатили дождём – наверно, Катя их застала врасплох. Женщины видно не было. Перстень нужно отдать охране, положить его на верхушку горы из миллиона прочих забытых вещей – ненужных, раз никто их не ищет. Добавить его в протокол и забыть. В протоколе всегда будет место для нового, в отличие от Катиной головы. В голове всё занято, а потому уберите всё, что тревожит.

Катя прошла немного вперёд, выискивая красный цвет. Вот вывеска “Магнита”, вот застрявший в лысых ветках красный пакет, вот ребёнок в красном комбинезоне стоит в центре лужи. Побывать бы и Кате наконец плохой девочкой, выкинуть перстень в мусорку. Катя подняла его к глазам и рассмотрела: какой-то странноватый, явно дешёвый винтаж.

– Екатерина!

Катя обернулась: зимняя женщина рассеянно улыбалась, сидя на лавочке у пустой пятиэтажки под снос, и кормила взъерошенных голубей. Катя подошла к ней, кутаясь в невидимый шарф, неожиданно чувствуя, что злится всё больше.

– Возьмите ваше кольцо, вы его забыли!

– Я оставила кольцо специально, знала, что вы мне его принесёте. – Женщина смотрела как начальница, для которой Катя выполнила важное поручение. – Вы хороший человек. Я хотела поговорить с вами без камер и прочих ушей.

– Господи, о чём?

– О том, что вернёт вам вашу жизнь.

– Тогда я пойду работать, до свидания.

– Тогда я вернусь и устрою скандал.

– Меня ждёт А87. Меня из-за вас оштрафуют!

– Я устрою скандал.

– Говорите!

Женщина кинула снова хлеб голубям и явно не спешила рассказывать.

– У вас кто-то умер? – спросила она.

– Нет.

– У вас кто-то болеет?

– Может быть.

Кате вдруг показалось, что они поменялись местами и теперь ей как будто бы нужно отвечать на неловкие вопросы, а женщина – на своей территории. Она спрашивает, но у неё нет монитора, нет табло и регламента, а только голова, и в этой голове – хаос.

– Я начну издалека.

– Пожалуйста, не надо издалека. Скажите сразу так, чтобы близко.

Женщина устало подняла к небу глаза, словно попросила у бога терпения.

– Год назад я подошла к схеме метро и удивилась её размерам. Я поняла, что пользовалась только теми станциями, по которым мы ездили вместе с мужем, особенно когда он заболел. Я не могла ни запомнить, ни узнать новые. И новых поездов МЦД я боялась, не могла уехать на дачу. Ждала привычные зелёные электрички. А транспорт я знаю, я всю жизнь водила трамвай 46, хотя, как появились новые трамваи, не работаю...

Катя натянула рукава свитера так сильно, что они полностью закрыли ладони. Голубей слеталось всё больше. Наверное, если сидеть долго и кормить их без остановки, то слетятся все голуби ЮВАО.

– У автобуса поменяли номер, и я не смогла в него зайти, – продолжила женщина. – Я привыкла, что был номер 63, а он стал М7. Они постоянно меняют номера маршрутов, и я только сейчас поняла, что специально, чтобы люди тренировали зеркальные нейроны и не сдавались. Я всё-таки села в этот автобус, поехала, посмотрела из окна на те места, в которых давно не была, и в моей голове словно тоже зажглись новые станции, как на схеме метро... Понимаете?

В МФЦ часто приходят безумцы. От их вида Кате с такой же частотой становится грустно, но теперь для грусти не было никакого места. Грусть просто ходила вокруг, стучала в закрытые окна и двери.

Не отпускал только запах. Те самые сладкие духи, которыми пользовался кто-то важный, очень давно. Уйдёшь – потеряешь, так и не вспомнишь. Вот дача: дикие незабудки в траве, раскачивающиеся перед грозой колокольчики. Мамин хлопковый сарафан, пояс развеивается на ветру. Крохотной рукой, перепачканной гуашью, Катя поднимает колокольчик – в нём от дождя прячется шмель, а на лапках у него оранжевая пыльца.

– Есть такая точка, в которой время и место достигают гармонии, – женщина словно ехала с горки на велосипеде – всё теперь, не остановиться, а она накручивала для чего-то педали, и впереди возвышалась кирпичная стена. – Мы уходим от неё по ошибке, из глупости и вредности, но никогда не поздно вернуться. И эту точку всегда можно отыскать снова, это конкретное место. И мы все были там когда-то в детстве, а потом многие из нас ушли, и вот цель нашей жизни – вернуться. Мне так жаль, что я вернулась совсем недавно, а кто-то не вернётся никогда, но как будто если не уйдёшь, не потеряешься, то не сможешь потом ценить все эти чудеса. Я хожу сейчас по городу и сама не верю своему счастью, что нашла, и будто всё вокруг выстраивается в нужном порядке...

Катя посмотрела женщине в прозрачные странные глаза и увидела в них искреннюю любовь просветлённого проповедника, не ведающего о том, что творит. Когда Катя пошла не туда? До того как ей исполнилось четыре, её часто возили на ту самую дачу, а потом стали возить реже. Наверное, тогда всё лучшее с Катей и произошло, сразу же после рождения, а потом началось то, что она называла в мыслях то фортом боярдом, то конным забегом.

– Что вы вообще говорите? – спросила Катя очень тихо и втянула ещё раз носом аромат духов. – Зачем?

– Вы не видите, потому что не верите, но мир ведёт человека за руку, а потом человек убегает, и мир перестаёт заботиться, теряет его из виду. Надо вернуться на нужный маршрут, и тогда человек перестанет быть одиноким...

– Хорошо, а теперь я пойду.

– Вы обязательно почувствуете, если будете знать, что конкретно ищете. Сейчас я просто подхожу к карте метро и вожу рукой по ней, – женщина прикрыла глаза и выставила руку. – Еду туда, где пальцы становятся горячими, и нахожу там для себя что-то. Кто-то ориентируется на запах, кто-то – на звуки и знаки. Что было бы с трамваями, если бы они ходили в неправильные стороны? Вот так и вы едете, не по рельсам, а по траве...

– Возьмите ваше кольцо, – сказала Катя и положила его женщине на колени.

Развернувшись, она пошла к МФЦ. Конечно, ей теперь выпишут штраф, и совершенно заслуженно.

– Вот как важно быть на нужном месте, посмотрите в небо! – крикнула женщина в спину. – Вы теперь не сможете это забыть, не отвертитесь, никогда! Не сможете жить так же, как раньше!

Катя остановилась, посмотрела вверх – терять нечего. На небесном ватном одеяле кружила стая птиц, формируя в полёте округлые узоры.

– Мурмурация! Скворцы вернулись домой, – женщина вытряхнула голубям остатки хлеба. – Вот что значит доверять миру, чувствовать себя с ним в безопасности, что бы ни происходило. Только так можно вынести что угодно. Только так!

Катя сердито обернулась. Женщина надела кольцо и медленно пошла куда-то – осторожно, бережно понесла в себе остатки разума, с удивлением глядя по сторонам. Исчезал сладкий запах: перед глазами стоял расплывчатый узор верблюжьего одеяла. Шкатулка с пуговицами, солнце в ящике с постельным бельём, книжная полка. Прогулка в летнем парке, когда у дуба делали насечки, проверяя, на сколько выросла Катя. Как же хотелось тогда расти, прожить день, чтобы вырасти, чтобы выше и выше.

Катя вернулась в здание, в третий раз за утро поздоровалась с охранником. Он поздоровался с ней в ответ. Позвонить сиделке, зайти в аптеку, решить, когда укладывать маму в больницу, позвонить врачу. Мурмурация. Скворцы, значит. Здесь правда много скворцов, весной они прилетают худые и уставшие после рабочего перелёта.